

Светлой памяти многолетнего руководителя
издательства «Международные отношения»
Лихачева Бориса Петровича,
давшего путевку в жизнь этой и другим книгам автора,
посвящается.

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН

Г.В. Костырченко

Тайная политика Хрущева

ВЛАСТЬ,
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ,
ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

МОСКВА
«Международные отношения»
2012

УДК 94(47).084.8:323.12 (=411.16)
ББК 66.3(2Рос),54(=611.215)+63,3(2)632-38(=611.215)
К72

Рецензенты:

Е.Ю. Зубкова, В.А. Невезжин

Костырченко Г.В.

К72 Тайная политика Хрущёва: власть, интеллигенция, еврейский вопрос. М.: Международные отношения, 2012. – 528 с.

ISBN 978-5-7133-1418-7

Данная книга известного историка и уникального специалиста по «еврейской политике» в Советском Союзе является продолжением его предыдущей фундаментальной монографии «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» (М., 2001). Следуя латинскому девизу «Без гнева и пристрастия», автор на строго научной документальной основе реконструирует сложный и противоречивый курс постсталинского руководства и нового лидера страны Н.С. Хрущёва в решении еврейской проблемы, требовавшей принятия срочных мер особенно по возрождению разрушенной сталинизмом еврейской культуры и оживлению находившейся в коллапсе еврейской религии. То, как все это реализовывалось государством, а чаще всего, к сожалению, им не реализовывалось, отображено в тексте на фоне параллельно развивавшегося общего процесса демократического, «оттепельного» обновления общества. В книге детально воспроизведен диалог власти с либеральной творческой интеллигенцией, а также рельефно выписаны исполненные драматизма судьбы ее видных деятелей, в том числе Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга, Михаила Ромма, Маргариты Алигер. Кроме того, впервые предпринята попытка на серьезной научной основе разобраться в непростой личной позиции Хрущёва по «еврейскому вопросу» и в бюрократическом механизме сокрытия его партгосаппаратом. Помимо широкой панорамы социально-культурных событий, происходивших в СССР в «хрущёвское десятилетие», немало места в книге занимают и внешнеполитические сюжеты, в том числе посвященные бурным событиям 1956 года в Польше, Венгрии и на Ближнем Востоке. Непредвзято раскрыта и наступательная стратегия Израиля в борьбе за эмиграцию советских евреев.

Особую ценность данному исследованию придает то важное обстоятельство, что автор продолжил в нем принципиальную линию на разрушение устоявшихся исторических легенд и мифов и разоблачение различных фальсификаций, которые за десятилетия официального табуирования в Советском Союзе всего, что было связано с еврейством, во множестве нагромодились на его истории.

УДК 94(47).084.8:323.12 (=411.16)
ББК 66.3(2Рос),54(=611.215)+63,3(2)632-38(=611.215)

© Г.В. Костырченко, 2012
© Подготовка к изданию и оформление
изд-ва «Международные отношения»,
2012

ISBN 978-5-7133-1418-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
Глава I. ВЫЗРЕВАНИЕ «ОТТЕПЕЛИ». 1953–1955. Бериевская «микрореабилитация» и сразу после нее	13
Политические сложности реабилитации	19
Против «реванша космополитов» в литературе	31
Сионистский натиск Израиля	41
Иудаизм: от жесткого прессинга сверху к послаблениям ...	54
Глава II. «КАЧЕЛИ» XX СЪЕЗДА. От либерализации к «завинчиванию гаек»	71
А. Панкратова: судьба историка, покусившегося на «еврейское табу»	72
Молодежный нонконформизм (кружок Л. Краснопевцева и др.)	76
«Иудеохристиане»	82
Умягчение органов госбезопасности	85
«Оттепельная» фронда писателей (В. Дудинцев, М. Алигер и др.)	89
1957-й год. Хрущёв против оппозиции в партии и литературе	97
Б. Пастернак и его роман	109
Хрущёв и «Русская партия»	113
Литературные «лакировщики» и их покровители	117
Глава III. «ЕВРЕЙСКИЙ ФАКТОР» во внешней политике Москвы 1956 года	125
Десталинизация в Польше	126
«Венгерский синдром»	147
Визит Ива Монтана в Москву	160
Синайская кампания	163
Глава IV. СЛОЖНОСТИ ЕВРЕЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ	175
Проблема этнокультурной идентификации	176
Еврейская автономная область	180
Литература	183

Искусство	197
Иудаизм и контрасты советской религиозной политики	203
Борьба с израильским влиянием в синагогах	206
Вспышки «бытовой» юдофобии	212
«Зажим» иудаизма в конце 1950-х	215
Пропаганда антииудаизма на Украине (работы Т. Кичко) ...	222
Глава V. ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИСКУРС ЕВРЕЙСКОЙ ПРОБЛЕМЫ в СССР	231
Раскрытие тайны «дела ЕАК»	232
Скандалная публикация в польской «Фольксштимме»	236
«Еврейские диалоги» Хрущёва с западными левыми	241
«Измена» Говарда Фаста	255
Глава VI. ИЗРАИЛЬ ПРОТИВ СССР: борьба за советских евреев	269
Всемирный молодежный фестиваль в Москве	270
Активизация нелегальных еврейских кружков	277
Еврейский самиздат	283
Советский «микс» антисюионизма и публикаций по Холокосту	284
Израиль мобилизует Запад (вторая половина 1950-х)	296
Усиление антисоветской активности Израиля (начало 1960-х)	310
Глава VII. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОСТРЕНИЕ в 1960-х	323
Аппаратные маневры Хрущёва	324
«Жизнь и судьба» Василия Гроссмана	325
Солженицын и чиновник-либерал В. Лебедев	345
«Бабий Яр» Е. Евтушенко и выступление М. Ромма	351
Идеологическая дуэль Хрущёва и Эренбурга	370
Мемуары Эренбурга под прицелом цензуры	382
«Еврейский вопрос» на встречах Хрущёва с интеллигенцией	390
«Литературно-аппаратный» антисемитизм	397
«Дело» Иосифа Бродского	401
«Тля»-творное влияние Ивана Шевцова	412
Глава VIII. БЫЛИ ЛИ «ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ» АНТИЕВРЕЙСКИМИ?	417
Атака на теневую экономику и «трикотажников»	418
Аресты «валютчиков», «дело Рокотова»	424
«Выкорчевка спекуляции» в иудейских общинах	434
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	438
ПРИЛОЖЕНИЕ. Национальный «проект СССР» (историографический очерк)	445
«История» в СССР: в прокрустовом ложе дозволенного ...	445
Советология: между наукой и политикой	450

Историографическая перестройка на Западе	459
«Новая империология»	462
«Меркурианство» Ю. Слёзкина	474
От западной «империологии» к отечественной	483
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	498
БИБЛИОГРАФИЯ (основные издания)	511
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	518

ВВЕДЕНИЕ

Физическая смерть Сталина не избавила страну от этой великой и жестокой личности, чье незримое влияние на жизненно важные сферы довольно сильно ощущалось потом долгие годы, да и теперь еще явственно дает о себе знать. Кремлевские наследники вождя, даже отрекшись публично от него, продолжали оставаться в плену созданной им парадигмы власти. Не решаясь перерубить эту системную пуповину, они в лучшем случае смогли лишь приглушить наиболее острые проявления пережитков сталинизма, в том числе и хронический «еврейский вопрос», доведенный, как известно, зимой 1953 года до «точки кипения».

С детальным фактографическим анализом инфицирования власти элементами юдофобии читатель имел возможность познакомиться в нашей книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», вышедшей в 2001 году в издательстве «Международные отношения». Настоящая монография является своего рода научным отчетом по результатам продолжения того давнего исследования.

Работа над этой второй книгой была сопряжена со значительно большими трудностями, чем над первой. Главная проблема, которую автору пришлось преодолевать, состояла в почти полной засекреченности архивов постсталинского советского руководства. Тем не менее, все доступные материалы по теме, хранящиеся в таких ведущих документальных собраниях, как Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), так или иначе были использованы в ходе исследования.

Возникший дефицит архивной информации удалось, как представляется, в значительной мере преодолеть за счет привлечения тематических материалов, включенных в документальные

сборники, особенно активно выпускавшиеся указанными архивами в 2000-х гг.¹

Вследствие той же значительной засекреченности архивных документов важным элементом источниковой базы исследования стали многочисленные мемуары, дневники очевидцев и активных участников воспроизведенных в книге событий – видных политиков, деятелей науки и культуры, бывших высокопоставленных чиновников².

Неоценимым подспорьем в разработке темы стали опубликованные работы коллег-историков, как отечественных, так и зарубежных³. Наиболее заметные из этих изданий подверглись детальному авторскому анализу, результаты которого представлены преимущественно в историографическом очерке, данном в приложении к основному содержанию книги.

Кроме того, был привлечен большой объем фактографического материала, почерпнутого из различных историко-публицистических произведений, периодических изданий, энциклопедий, справочников, сборников официальных нормативов, в том числе из тех, которые выложены в Интернете.

Авторская методология основывалась на следующих ключевых принципах:

- 1) тщательный анализ изучаемых событий и явлений и их комплексная оценка сквозь призму системности, компаративизма и психологизма;
- 2) научная объективность исследования, обеспечивающая связь между «узкой» (еврейской) проблематикой и широким историческим контекстом (отечественным и глобальным);
- 3) переосмысление на основе нового системно-фактографического анализа уже изученных событий и явлений и тщательная перепроверка сформулированных по ним оценок и суждений.

¹ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1 / Гл. ред. А.А. Фурсенко. – М.: РОССПЭН, 2003. Никита Сергеевич Хрущёв. Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущёва: В 2-х тт. / Гл. ред. Н.Г. Томина, отв. сост. М.Ю. Прозуменщиков. – М.: МФД, 2009 и др.: см. раздел «Библиография».

² *Аджубей А.И.* Те десять лет. – М.: Советская Россия, 1989. *Александрович М.Д.* Я помню... – М.: Прогресс-Академия – Machlis Publications, 1992. и др.; см.: «Библиография».

³ См.: «Библиография».

География книги ограничена территорией Российской Федерации, притом что фокус внимания автора был «наведен» на интеллигенцию Москвы и других крупных городов европейской части страны. Впрочем, в отдельных случаях для обеспечения всесторонности в изучении того или иного явления в его поле зрения попадала также Украина, Средняя Азия и другие регионы СССР.

Хронологические рамки исследования – 1953–1964 гг., то есть постсталинский период, отмеченный таким интересным, но, к сожалению, пока что слабо изученным историческим явлением, как «хрущёвская оттепель».

Основной предмет изучения – советская интеллигенция еврейского происхождения. Причем она рассматривалась не как этносоциальная страта, удовлетворявшая те или иные интеллектуальные, научно-технические, управленческие, образовательные, культурно-эстетические и т.п. запросы государства и общества, а как феномен, повлиявший на бурно происходившее тогда социально-политическое развитие страны. И поскольку главным двигателем прогресса была деятельность, направленная на преодоление сталинизма и демократизацию режима номенклатурной власти, а также против широко практиковавшегося им подавления свободы личности и самомалейших проявлений нонконформизма, основное содержание книги, выходя за рамки обозначенного предмета исследования, посвящено творческой интеллигенции либеральной ориентации (главным образом литераторам и деятелям искусства). Своей социальной активностью этот слой в чем-то компенсировал отсутствие в СССР парламентаризма, свободы слова и других демократических институций, а также противостоял другим «дефектам», присущим странам с парадигмой запоздалой модернизации.

Именно из среды либеральной интеллигенции вышли так называемые «шестидесятники», сумевшие стать самостоятельной духовно-идеологической силой, а некоторые из них – даже неформальными «властителями дум», вовлекавшими в орбиту своего идейного влияния не только многих образованных гуманитариев, но и специалистов в области точных наук и техники.

В этой связи весьма симптоматично следующее суждение писателя Корнея Чуковского, через которого в постсталинское время осуществлялась эстафета благородных традиций старой русской интеллигенции: «При Сталине было просто: бей интеллигенцию, уничтожай всех, кто самостоятельно думает! Но сейчас это гораздо труднее: выросли массы *технической* интеллигенции, без которой государству нельзя обойтись, – и вот эти массы

взяли на себя функцию гуманитарной интеллигенции – и обозвали нечто вроде общественного мнения»⁴.

Впрочем, в книге не остались без внимания и общественные деятели консервативно-традиционалистского направления, среди которых выделялся масштабом личности и литературного таланта «почвенник» А.И. Солженицын, конкурировавший с либералами за влияние на общество.

Главная задача, которую ставил перед собой автор, состояла в том, чтобы на сугубо научной основе обозначить собственный, но по возможности беспристрастный взгляд на описываемые события, а также дать такого же рода характеристики участвовавшим в них людям, прежде всего политикам, руководившим страной. В этой связи в книге лапидарно, но четко обозначены основные структурные метаморфозы, а также потаенная борьба и интриги, которые происходили в высших эшелонах власти.

Нисколько не претендуя в своих суждениях на бесспорность и тем более всеохватность, автор, тем не менее, надеется, что этим посильным вкладом в изучение российской истории стимулирует дальнейшие изыскания в области послевоенной советской истории, и по сию пору не расчищенную от завалов затемняющих общественное сознание легенд, мифов, даже фальсификаций и псевдонаучных интерпретаций.

⁴ Чуковский К.И. Дневник (1930–1969). – М.: Современный писатель, 1994. С. 331.

Глава I

**ВЫЗРЕВАНИЕ
«ОТТЕПЕЛИ»
1953–1955**

Бериевская «микрореабилитация» и сразу после нее

Быстротечная тяжелая болезнь и смерть Сталина вызвали в душах евреев бурный всплеск сильных и противоречивых эмоций. Большая их часть – сохранившая (вопреки пережитым в предшествовавшее пятилетие гонениям, чисткам и страхам) пиетет перед диктатором и слепую веру в него – была искренно опечалена, а некоторые из них даже готовы были после ухода «гаранта порядка» впасть в панику, опасаясь вакханалии массовых погромов⁵. Да и еврейская интеллигенция, которая, пострадав в «черные годы» от Сталина, а потом, избавившись от него, испытала психологическое облегчение и даже радость, тоже не была свободна от страха за свою дальнейшую судьбу.

И такие опасения были далеко не беспочвенны. Запущенный ранее механизм антиеврейских кадровых чисток и репрессий продолжал функционировать и после смерти его «главного конструктора». 6 марта 1953 г. были арестованы критик-«космо-

⁵ *Рута Шац-Марьяш*, дочь Макса Шаца-Анина (1885–1975), юриста-ученого, журналиста, члена Еврейского антифашистского комитета, арестованного вместе с женой в феврале 1953 года, так описала чувства, нахлынувшие на нее при известии о смерти Сталина: «Образ Сталина в моем представлении тогда полностью соответствовал тому, каким его создавала советская пропаганда: мудрый отец и учитель, защитник всех трудящихся, вождь всего прогрессивного человечества. Мелькнула страшная догадка: все это происки врагов – **они арестовали моих родителей, убили Сталина, теперь всему конец!** (выделено в тексте. – Г.К.). Впереди пропасть, бездна! Эти мысли не оставляли меня и потом, когда объявили о смерти вождя, когда по радио гремели траурные марши и люди плакали, ожидая с его смертью новых бед, новых потрясений. Это была массовая истерия, безумие... Воздух был пропитан всеобъемлющим ужасом, смертью. Я ждала: вот-вот придут и арестуют меня, была уверена, что это случится... Однако вскоре злоеца вакханалия была приостановлена, и в конце апреля родителей освободили. Нам объяснили тогда, что их арест был нелепой ошибкой, результатом вредительства, угнездившегося в органах МГБ» (*Шац-Марьяш Р.* Арест: фрагмент книги «Калейдоскоп моей памяти» // Мы здесь. № 238). (Мы здесь; www.NewsWe.com).

полит» И.Л. Альтман, театральный администратор И.В. Нежный, писатель И.А. Бахрах (А. Исбах). В тот же день вышел указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении видного еврейского режиссера и актера С.М. Михоэлса, тайно убитого в 1948 году по приказу Сталина, звания народного артиста СССР и ордена Ленина⁶. Сила репрессивной инерции была столь велика, что следствие по многим открытым прежде МГБ делам «еврейских националистов» продолжалось в течение всего 1953 года. Более того, эти «дела» зачастую увенчивались обвинительными приговорами судов⁷.

Однако наряду с этим в верхнем эшелоне власти, охваченном тогда лихорадкой перераспределения властных полномочий, возникла и подспудно набирала силу противоположная тенденция: отмежевание «наследников» почившего вождя от его наиболее одиозных и скандальных репрессивных акций, и в первую очередь «дела врачей», вызвавшего громкий международный скандал. Инициатором этой ревизии выступил Л.П. Берия, который, получив посты первого заместителя председателя Совета Министров СССР и министра внутренних дел СССР, уже 10 марта распорядился выпустить на свободу допрашивавшуюся по этому делу жену В.М. Молотова П.С. Жемчужину⁸. (По приказу Сталина они были насильственно разведены.)

Приостановив следствие по «делу врачей», Берия 13 марта приказал подвергнуть проверке законность его возбуждения и ведения⁹. Получив формальные доказательства изначальной фальсификации этого дела, Берия 31 марта утвердил постановле-

⁶ Костырченко Г.В. В плену у красного фараона. Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. Документальное исследование. – М., 1994. С. 346. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. – М., 2001. С. 683. Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953. (Россия. XX век. Документы) / Под общ. ред. А.Н. Яковлева. Сост. Г.В. Костырченко. – М.: МФД, 2005. С. 317.

⁷ Данные на осужденных в декабре 1953 г. «еврейских националистов» Д.А. Симхаева, М.А. Гоухштейна, Е.Я. Резникову (58)¹⁰. Надзорные производства Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953–1991. Аннотированный каталог / Под ред. В.А. Козлова, С.В. Мироненко, сост. О.В. Эдельман. – М.: МФД, 1999. С. 208–210.

⁸ Уже 21 марта Жемчужину восстановили в партии. Кроме того, Берия, стремясь заслужить благорасположение Молотова, вновь вошедшего в высший эшелон советского руководства, освободит и добьется полной реабилитации других арестованных по «делу Жемчужиной». (РГАСПИ. Ф. 589. Оп. 3. Д. 6188. Л. 48. Государственный антисемитизм в СССР. С. 164–166.)

ние о его закрытии. На следующий день он ходатайствовал перед новым председателем Совета Министров СССР и председателем Президиума ЦК КПСС Г.М. Маленковым «всех... арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить». Основным виновником инспирирования и фальсификации «дела» был назван взятый 16 марта под стражу М.Д. Рюмин¹⁰.

3 апреля это предложение Берии и было утверждено Президиумом ЦК КПСС, а вечером того же дня содержащиеся на Лубянке узники были отпущены по домам. Официально об этом объявили в «Сообщении Министерства внутренних дел СССР», опубликованном 4 апреля¹¹. А в вышедшем через два дня номере «Правды» Рюмин был уже всенародно заклеямен как главный злодей и организатор жестокой расправы над невинно пострадавшими кремлевскими медиками. В той же передовице сообщалось, что «презренными авантюристами типа Рюмина» «был оклеветан честный общественный деятель, народный артист СССР Михоэлс»¹². Однако указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля «О восстановлении Михоэлса С.М. в правах на орден Ленина и звании Народного артиста СССР» так и не был предан гласности, поскольку отменял «как неправильный» другой указ (уже нового руководства страны!) от 6 марта 1953 г., которым Михоэлс был лишен указанных звания и награды¹³.

Однако Берия, демонстрировавший бурную политическую активность, явно не рассчитал свои силы и возможности. Ряд предложенных им смелых проектов и идей по преобразованию государства и партии (в том числе и направленных на усиление роли этнонациональных кадров в управлении союзными и автономными республиками) были восприняты Маленковым, Н.С. Хру-

⁹ Россия. XX век. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. – М.: МФД, 1999. С. 17.

¹⁰ Бывший замминистра госбезопасности СССР и начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР М.Д. Рюмин был расстрелян 22 июля 1954 г. по приговору военной коллегии Верховного суда СССР.

¹¹ Лаврентий Берия. 1953. С. 21–25.

¹² Еще 2 апреля 1953 г. Берия, предпринявший в марте расследование по обстоятельствам гибели Михоэлса, представил в Президиум ЦК записку, в которой констатировал, что обвинения в шпионаже и еврейском национализме, выдвинутые в конце 1947 – начале 1948 г. против Михоэлса, были сфальсифицированы руководством МГБ (Лаврентий Берия. 1953. С. 25–28.)

¹³ Государственный антисемитизм в СССР. С. 119.

щёвым и другими членами Президиума ЦК как заявка на личную диктатуру.

25 июня амбициозный министр внутренних дел представил Маленкову материалы допроса Рюмина, которые свидетельствовали о том, что действия того по подготовке «дела ЕАК», а также ряда других «липовых» дел, в том числе «ленинградского» и «врачей», направлялись непосредственно бывшим министром госбезопасности СССР С.Д. Игнатьевым. Берия настаивал на аресте последнего, что, скорее всего, и было воспринято Маленковым, который покровительствовал Игнатьеву, как опосредованная угроза¹⁴. На следующий день на заседании Президиума ЦК КПСС Берия был арестован. А 2–7 июля прошел пленум ЦК, вошедший в историю как партийный суд над Берией. С одной из наиболее резких речей на нем выступил другой ставленник Маленкова, секретарь ЦК Н.Н. Шаталин¹⁵, зарекомендовавший себя при Сталине бескомпромиссным борцом с еврейским буржуазным национализмом. Он обвинил Берию ни больше и ни меньше в том, что тот своей реабилитацией «врачей-вредителей» произвел на общественность «тягостное впечатление». Неудачливому реформатору вменили в вину и другие прегрешения. 10 июля его спросили на допросе, почему он ратовал за воссоздание еврейского театра и возобновление выпуска еврейской газеты. На что он ответил, что готовил соответствующую записку в ЦК, и потом добавил не совсем внятно: «Мы по линии МВД были заинтересованы... мое отношение к этим вопросам было с позиции освещения настроения интеллигенции»¹⁶.

Публикация официального сообщения об аресте Берии вызвала в народе оживленную реакцию. Существуют данные о том, что власти, дабы доказать населению обоснованность этой политической акции подспудно использовали и аргументы с элементами юдофобии. В те дни временный поверенный в делах Югославии В. Джурич телеграфировал в Белград, что один «партийный активист» объяснял смещение Берии тем, что тот после смерти Сталина «укреплял буржуазный национализм и сионизм». Югославский дипломат сообщал также в свой МИД, что, поскольку в обществе разоблачение фабрикаций «дела врачей» «приписыва-

¹⁴ Лаврентий Берия. 1953. С. 64–66.

¹⁵ В начале 1955 года, сразу же после смещения Маленкова с поста председателя Совета Министров СССР, Шаталин, лишившись старой номенклатурной «крыши», был изгнан из секретарей ЦК и отправлен в дальневосточное Приморье руководить крайкомом партии.

¹⁶ Бериевщина / Публ. Б.С. Попова, В.Г. Оппокова // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 84.

ется Берия, высказываются предположения о реабилитации Игнатьева и Рюмина и повторном аресте врачей». По поводу этих слухов Джурич отмечал: «Интересно, что об этом мы слышим во многих местах наряду с акцентированием внимания на том, что Берия – еврей»¹⁷.

23 декабря 1953 г. Берия был расстрелян по приговору специального судебного присутствия Верховного Суда СССР. Его низвержением с властного олимпа партбюрократия во главе с Хрущёвым не только взяла эффектный реванш над органами госбезопасности, «Дамокловым мечом» нависавшими над ней при Сталине, но и исподволь нанесла удар по позиции таких «государственников» в высшем советском руководстве, как Маленков и Молотов.

Так наряду с Рюминым Берия превратился в «козла отпущения», на которого наследники Сталина в Кремле вплоть до 1956 года предпочитали списывать всю ответственность за кровавые акции режима, в том числе и против деятелей еврейской культуры. Вскоре этот тандем «мальчишек для битья» превратится в результате пропагандистской демонизации бывшего министра госбезопасности В.С. Абакумова (был арестован еще при Сталине), в «трехглавую гидру». Мифологема-«ужастик» о ней станет в руках Хрущёва и Агитпропа важным инструментом манипуляции общественным мнением как внутри страны, так и за рубежом.

Политическое низвержение Берии сорвало и отсрочило подготовленную было им реабилитацию членов ЕАК, разгромленного в 1948–1949 гг. Впрочем, вся державшаяся на нем работа по восстановлению добрых имен пострадавших от сталинских репрессий тогда почти полностью заглохла.

Правда, в конце ноября 1953 года был выпущен на свободу бывший руководящий работник Прокуратуры СССР и популярный автор криминальных детективов Л.Р. Шейнин, арестованный за два года до этого как активный участник «сионистского заговора» в силовых органах. Однако этот гуманный акт был обусловлен не столько тем, что власти стремились, похерив абсурдное обвинение, восстановить справедливость, сколько тем, что хотели использовать этого многоопытного юриста («умную еврейскую башку») как свидетеля обвинения (готового на многое в благодар-

¹⁷ *Едемский А.Б.* Москва, март – июль 1953-го... Наблюдения югославских дипломатов // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50–60-е гг. XX в. / Отв. ред. Н.М. Куренная. – М.: Институт славяноведения РАН, 2011. С. 115–116.

ность за обретенную свободу¹⁸) в интенсивно проводившихся следствиях по делам упомянутых Абакумова и Рюмина.

Однако новым своим сотрудничеством с сильными мира сего Шейнину не удалось восстановить в их глазах собственную репутацию, смыв с нее позорное пятно недавнего арестантского прошлого. Когда в феврале 1956 года первый секретарь правления Союза советских писателей (ССП) А.А. Сурков представил популярного детективщика в связи с его пятидесятилетием к награждению орденом Трудового Красного Знамени, то ответом ЦК КПСС был отказ. За два с половиной года, прошедших после выхода Шейнина на свободу, все его попытки получить престижную должность (в редколлегиях газеты «Правда», журнала «Октябрь», в аппарате ССП) также оказались тщетными¹⁹. Еще несколько лет ему пришлось существовать исключительно на литературные заработки, пока фортуна вновь не улыбнулась ему и он пробился в худсовет Министерства культуры СССР, а в 1960-х подвизался на постах главного редактора киностудии Мосфильм и руководителя отдела драматургии Союза писателей СССР.

Политические сложности реабилитации

Только весной 1954 года Кремлем был дан новый импульс ревизии репрессивной политики Сталина. На сей раз роль локомотива в преодолении ее тяжелых последствий взял на себя Хрущев, явно решивший использовать это в качестве инструмента реализации своих властных амбиций. 4 мая его старанием были созданы соответствующие рабочие органы – центральная и региональные комиссии по пересмотру дел осужденных за «контрреволюционные преступления»²⁰. Председателем центральной комис-

¹⁸ Видимо, при этом было принято во внимание, что в ходе предшествовавшего неслучайно затянувшегося следствия по делу Шейнина (проводилось с 1951 года), тот, активно «помогая» органам, обильно снабжал их «нужными» показаниями, в том числе и о «преступных замыслах» находившихся на свободе И.Г. Эренбурга, Л.О. Утесова, И.О. Дунаевского и многих других «замаскированных еврейских националистов». (Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Приговоренные временем. Российские и советские прокуроры. XX век, 1937–1953 гг. – М., 2001. С. 356–362, 522–524. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Заложники вождей. Советские и российские прокуроры. XX век. 1954–1992. – М., 2006. С. 433–446.)

¹⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 36. Д. 14. Л. 34–36, 48–50.

²⁰ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3-х тт. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н. Артизов, Ю.В. Сигачев и др. – М., 2000. С. 116–117.

сии утвердили Р.А. Руденко (1907–1981) – давнего протеже Хрущёва, который еще в 1944 году выдвинул Руденко на пост прокурора Украинской ССР, а в 1953-м помог ему с назначением генеральным прокурором СССР.

Примечательно, что уже 30 апреля, то есть буквально за несколько дней до появления постановления Президиума ЦК о формировании реабилитационных комиссий, Верховный Суд СССР по протесту Руденко реабилитировал Н.А. Вознесенского, А.А. Кузнецова, М.И. Родионова, П.С. Попкова и других главных фигурантов по «ленинградскому делу» – самому кровавому в послевоенный период. Резонансным разоблачением этого преступления сталинизма Хрущёв нанесет вскоре разящий удар по главному своему конкуренту – председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову. Однако для этого Хрущёву, являвшемуся с сентября 1953 года первым секретарем ЦК КПСС, необходимо было предварительно обрести всю полноту партийной власти. В сентябре 1954 года ему удалось добиться этого, отобрав у Маленкова полномочия председательствующего на заседаниях Президиума ЦК.

Всего через несколько месяцев после этого во всех СМИ было объявлено, что по приговору военного суда, прошедшего 14–19 декабря 1954 г. в ленинградском окружном Доме офицеров, расстреляны Абакумов и еще три участника «банды Берия», признанные главными виновными в фабрикации «ленинградского дела». А 31 января 1955 г. пленум ЦК КПСС, обвинивший Маленкова в «зависимости» от Берии и возложивший на него «моральную ответственность» за «позорное “ленинградское дело”», низложил его с поста председателя СМ СССР, констатировав отсутствие «у т. Маленкова деловых и политических качеств, необходимых для выполнения обязанностей главы Советского правительства». И хотя это была важная победа партийной бюрократии в советской номенклатуре над государственной, тем не менее она не была еще решающей, так как важные позиции в кремлевской власти продолжал сохранять В.М. Молотов, являвшийся тогда первым заместителем председателя СМ СССР и министром иностранных дел. Именно для того чтобы не произошло дальнейшего усиления влияния этого наиболее авторитетного в народе «наследника Сталина», Хрущёв не стал пока удалять «политически бесхребетного» Маленкова из Президиума ЦК²¹.

Инициировав кампанию по частичной дискредитации Маленкова и чистке партгосаппарата от его креатуры, Хрущёв использовал весьма разнообразный набор средств. Не без инспирации

²¹ Решение январского (1955 г.) пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове / Публ. М. Реймана // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 29–33.

его ставленника на посту председателя КГБ при Совете министров СССР И.А. Серова в коридорах власти тогда разразился громкий скандал с разоблачением аморальных походов министра культуры СССР Г.Ф. Александрова (весьма близкого к уже бывшему главе правительства). Основываясь на довольно грубо сработанном компромате²², Хрущёв 10 марта 1955 г. провел через Президиум ЦК постановление «О недостойном поведении гг. Александрова Г.Ф., Еголина А.М. и других²³», которое в виде так называемого «закрытого письма ЦК» стало предметом обсуждения (если не сказать смакования) всей многомиллионной партийной массы.

На этом фоне представляется показательным, что в борьбе против Маленкова и стоявших за ним аппаратчиков Хрущёв не разыграл пропагандистскую «еврейскую карту», хотя, без сомнения, был осведомлен в том, что в широких кругах интеллигенции и чиновничества давно и упорно циркулировали слухи о том, что Маленков является чуть ли не лидером «антисемитской партии» в Кремле. Однако советские масс-медиа, сообщая о «справедливом возмездии», настигшем Абакумова и его поделельников «за попрание норм социалистической законности», ни словом не обмолвились об их причастности к тайному убийству Михоэлса, арестам членов ЕАК и неправомерным репрессиям против других деятелей еврейской культуры. Подобное замалчивание, видимо, мотивировалось отнюдь не опасением чересчур скомпрометировать Маленкова, еще два с половиной года остававшегося членом Президиума ЦК, пусть лишь в качестве зампреда Совмина СССР и министра электростанций. «Еврейский козырь» Хрущёв не задействовал и потом, когда, решив «добить» Маленкова, изгнал его не только из номенклатуры, но даже из партии. Такая сдержан-

²² Имеется в виду поступившая в ЦК КПСС анонимка за подписью «Мать», автор которой требовала примерно наказать некоего пожилого развратника, растлившего ее дочь-студентку и организовавшего на своей даче в подмосковной Валентиновке нечто вроде борделя для высокопоставленного чиновничества. Старший помощник Хрущёва Г.Т. Шуйский, следуя указанию шефа, «расписал» подметное письмо «на исполнение» секретарю ЦК П.Н. Поспелову (1898–1979; курировал Министерство культуры) и заместителю председателя ЦК при ЦК КПСС П.Т. Комарову. К расследованию подключился и КГБ, который сразу же выявил и арестовал организатора подозрительных оргий К.К. Кривошена, человека с темным криминальным прошлым, но с большими связями в кругах высшей номенклатуры.

²³ Помимо Еголина (директора Института мировой литературы АН СССР, а в 1944–1947 г. – замначальника управления пропаганды и агитации ЦК) в эту пикантную историю оказались втянутыми и другие номенклатурные тузы, в том числе заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК В.С. Кружков и директор Литературного института С.М. Петров.